
Елхим Дитрич
Лаборатория Земля
18+

Елхим Дитрич

Лаборатория Земля

«Автор»
2026

Дитрич Е.

Лаборатория Земля / Е. Дитрич — «Автор», 2026

Земля была выбрана в качестве лаборатории для высших энергетических существ в качестве учебной лаборатории. Здесь они могут исследовать себя и других, делать ошибки, получать опыт и развивать свою вечную душу.

© Дитрич Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Елхим Дитрич
Лаборатория Земля

Глава 1

Лабораторные испытания души на Земле, как учебный курс в Гелиоктарианском Универсиадиусе появились совсем недавно, каких-нибудь 50 тысяч земных лет назад. Сначала гелиоареопаг в лице самых солидных его членов скептически относился к этой казавшейся бредовой затее, с которой, как с писаной торбой, носился молодой учёный Сюр. Но этот проныра всем уши прожужжал с этой Землёй, несколько раз телепортировался туда в тела каких-то животных, кажется он называл их динозавтрами, и потом надоедал всем своими восторженными россказнями про эту провинциальную планету, даже имел наглость сравнивать её с Пандоррой.

А потом он исчез на какое-то время, все думали, что наконец-то он успокоился и теперь вернётся к своим прямым обязанностям - созданию спутников Урана, а то как остановился на количестве 27, сказав что это счастливое число, так и никакими коврижками не удавалось его заставить продолжать заниматься продуктивной деятельностью. Но он объявился, как чёрт из табакерки, пред ясны очи ретора Универсиадуса всего через пару десятков тысяч земных лет, с какой-то цидулькой, на которой он намалевал целый учебный курс для стадиев Универсиадуса по жизни на Земле в теле динозавтров. Как же мы все смеялись, когда спустя секунду телепортации ретора на Землю выяснилось, что эти зверюшки уже успели все вымереть, пока он занимался своим педагогическим творчеством. Сюр был в бешенстве и уверял всех, что это зав его кафедры специально футбольнул туда метеорит, чтобы во-первых, посмеяться над ним, Сюром, а во-вторых, чтобы вернуть Сюра на работу и заставить его выполнить план по производству спутников в Солнечной системе, коя является его, Сюра, производственным участком.

Но не таков был наш Сюр, чтобы унывать и отчаиваться долго. Спустя еще тыщонку-другую лет, он снова начал тайком шмыгать на Землю и в этот раз не громогласно, а спокойно с глазу на глаз (хотя какие глаза у гелиоидов) рассказывал всем, кого считал своими друзьями, что там на Земле еще остались живые существа, в которых вполне помещается душа. И пусть другие бездари почему-то особо выделяют кошачьи породы, ему, Сюру, кажется, что будущее за гоминидами. Не откладывая в долгий ящик эту канитель, он смотался пару раз в тела этих смехотворных обезьян, научил пользоваться палкой парочку особо сообразительных особей (которыми они тут же начали не добывать еду, как предполагалось, а убивать себе подобных), и вбил себе в голову, что для подрастающего поколения гелиоидов (сокращенно геликов) не будет ничего более полезного для взрослой звёздной жизни, чем пожить десяток-другой лет гамадрилом с красным задом.

Намного более приземленный, то есть конечно призвездённый, ретор Универсиадуса уже давно бы вывел эту космическую плесень, органическую жизнь, на Земле самым обычным дустом, но опасался, что эти прожекты - не просто выдумки наивного дурачка Сюра. Ретор нутром чувствовал, что здесь не обошлось без интриг его подретора Упса. Сейчас во всей Галактике было новое веяние - уважать права альтернативных способов жизни, кремниевой, например. Ну, ладно, камни он еще готов терпеть, но углеродная слизь?? Вот не уследили за этой Богом забытой Землёй, не провели антисептическую обработку по графику уборки и что получили? Там уже зелёные водоросли на сушу вышли. Вы понимаете? Не выползли, а ВЫШЛИ. Ногами. Гадость какая. А в наш беспокойный терравек приходится быть толерантным. Иначе заклеймят как ретрограда и пожалуйте на пенсию.

Глубокомудрый ретор Так-с решил не рубить с плеча, а поговорить сначала с Сюром лично по душам и попытаться выяснить, кто стоит за этими новаторскими идеями пассионарного выскочки.

Повстречав как-то Сюра на параде планет, он как бы невзначай завёл каверзный разговор про лабораторию Земля:

- Говорят, что ты предлагаешь нашей молодёжи опуститься в недра генетической памяти, ступить на забытую в веках ступень эволюции и снова научиться спариваться для продолжения рода?

- Господин Так-с, не верьте, это всё злые наговоры завистников с кремниевой кафедры. Им-то за своими каменюками хоть тыщу лет наблюдай, никакой динамики. За сто лет - сто микрон выросло, за тысячу лет - тысячу микрон. Ну, за стабильность! Это они так со скуки на своей кафедре развлекаются. А на Земле мы за семьдесят ихних лет (у нас за это время я только за кофе успею сбегать) прогоним нашего студента через целую жизнь.

- Ну, ладно, может что-то в этом и есть. Но говорят, что вы хотите у студента на время урока память забирать, это так? Вы простите, батенька, но за такое могут и в жестоком обращении с учениками обвинить, и РайЮно (Рай юных отроков) нас за такое по головке не погладит.

Сюр во время разговора пытался понять, куда же клонит коварный ретор, ждал подвоха. И как в воду глядел. Ретор на минуту замолчал, а потом задумчиво и как бы мимоходом заметил:

- И вообще мы собираемся в ближайший миллион лет провести на Земле генеральную уборку, с хлоркой и серными дождями, как на Венере сделали, чтоб еще с миллиард лет на ней всё чистенько было.

- Но ведь там жизнь!

- Ну, знаете, в туалете под ободком унитаза тоже жизнь...

Сюр за несколько своих контрабандных посещений Земли успел привязаться к этому живому уголку и поэтому спешно придумывал, как бы спасти свой Эдем. Дело в том, что летал он туда не один, а с Эвой. Эва отпочковалась от Так-са сколько-то там хулиардов лет назад. Конечно никто бы не посмел назвать её его дочерью в глаза, но невероятно стремительно развивающаяся карьера такой молодой звезды давала пищу толкам про то, что Так-с-де консервативных взглядов скуф и втайне чтит родственные связи по-старозаветному. Но для Сюра Эва была просто подруга детства, с которой можно было весело проводить время.

Поэтому, как загнанный волк, Сюр решил не придерживаться в данной ситуации обязательных для него в любое другое время космических норм приличия. И он ляпнул первое, что пришло на ум:

- Господин Так-с, конечно это ваше дело, но вот господин Упс, ваш подретор, уже успел отрапортовать во Вселенский Вестник, что наша Галактика в лице нашего Универсиадуса в лице высочайшего господина Так-са занимает передовую позицию в деле борьбы с инакожизнефобией. И, мол, наш гениальный ретор внёс идею не брызгать на Землю биоцидным баллончиком, а использовать примитивнейшую местные организмы для инновационного обучения нашей молодёжи.

Это был нечестный приём, но Сюр не мог поступить иначе. Он знал, что только публичная огласка и внутриареопаговые дрязги могут спасти Землю от немедленного истребления всяческой жизни. Для ретора это был удар ниже пояса. Но он даже бровью не повел, а тут же без промедления начал давать указания:

- Благодарю вас, милейший Сюр, за ваш огромный вклад в дело развития нашей молодёжи! Я и сам много раз об этом думал. Теперь, когда судьба дала нам такой шанс в виде плесени на Земле, мы просто обязаны использовать его на все сто процентов. Я прошу вас быть завом на недавно созданной кафедре исследования поведения разумной души в условиях угле-

родной жизни на планете Земля. Уже завтра мы отправим туда первых студентов на обучение. До завтра там пройдет как раз десять тысяч лет и подоспеют первые неандертальцы.

И хотя у Сюра на душе скребли кошки, потому что он не любил обманывать, тем более старших, но всё же в той же поцарапанной душе он ликовал. Он сделает из Земли конфетку, куда будут летать в творческие командировки творцы со всей Галактики и её окрестностей! Там же можно будет рисовать, музицировать, танцевать. И даже, хотя мало кто в это сейчас верил, после достаточно примитивной эволюции, говорить и петь! Он создаст там театр, где можно будет показать на человечках все эти мимолетные эмоции, которые у его соплеменников, энергетических субстанций, непрерывно роятся где-то около сознания, но поймать которые невозможно, как посмотреть на своё ухо. И только такая плотная жизнь биологических организмов, как на Земле, даст возможность остановить мгновение и насладиться его красотой.

Сюр был идеалист. Наивный, как все идеалисты. Он даже не подозревал, какую подлую западню задумал ретор в ту же секунду, когда объявил о создании лаборатории Земля. Жернова бюрократии Универсиадуса прокрутились неимоверно быстро, и когда через час Сюр подписывал приказ о своём назначении завом, он не верил своим глазам - в приказе черным по белому внизу страницы было написано: "Срок эксплуатации лаборатории Земля - пока они там сами себя не уничтожат." По мнению Сюра, эта формулировка была лишена смысла. Зачем им уничтожать самих себя? Они же будут рисовать, танцевать и петь. Он решил прочитать весь приказ целиком строчка за строчкой. И как всегда мелким шрифтом была напечатана большая гадость. В небольшой сноске одного из Примечаний одного из Приложений к приказу постановлялось, что в целях безопасности (кого? чего?) в лабораторию кроме студентов будут также отправляться деволюторы, которые будут следить за тем, чтобы этот райский уголок не сильно развивался. Дескать, мышей надо держать под веником, коней в стойле, а эволюцию под присмотром деволюторов.

"Главное ввязаться в драку, а там разберёмся" - сказал сам себе Сюр. На сегодня главным итогом было то, что Землю пока не дезинфицируют, оставляют на ней жизнь и разрешают проводить на ней эксперименты с разумными душами. Ну, что ж, начало было многообещающее.

Глава 2

Антон был влюбчивый с ранней юности. Но какой-то неактивный в выражении своих чувств объектам воздыханий. Почти никто из его пассий не догадывались, какие романтические бури проносятся в душе этого скромного отличника. Любить на расстоянии было спокойней. Особенно яркими чувства к любимой девушке были вечером перед отходом ко сну, так как это был максимально безопасный период, когда точно ничего не надо делать. Сидя же в классе рядом с предметом вчерашнего вечернего обожания, он терял не только дар речи, но и сами чувства как будто стирало ощущением страха. Обычный, казалось бы, подросток. Но прошли школьные, наступили студенческие годы. Которые тоже заканчивались, а любовный опыт Антона замер на уровне поцелуя в щечку в девятом классе. Даже деградировал, потому что в школе Антон был хоть и отличник, но «звезда», победитель городских олимпиад по математике, на каждой линейке получал почетную грамоту перед всей школой, был заметной фигурой в своем классе, не зазнавался, давал списывать и был заводилой в организации вечерних утренников на 23 февраля и 8 марта, когда девочки поздравляли мальчиков, потом мальчики поздравляли девочек в том же размере. Игры в «Любовь с первого взгляда», танцы под магнитофон.

А после школы Антон поступил в самый главный столичный ВУЗ, где затерялся где-то в середине турнирной таблицы. Где-то ко второму курсу он убедил себя, что он маленький и лысенький (рост немного ниже среднего и ранние залысины). Этот факт совсем истребил его и так незначительную уверенность в себе как мужчины. И занятия борьбой (и как результат крепкий торс и широкие плечи), и прыжками в воду (которые вызывали резкие девичьи крики ужаса смешанного с восторгом в бассейне на физкультуре) не помогли ему уверовать в свою потенциальную привлекательность. И даже полученные иногда неподписанные любовные записки и анонимные сообщения на пейджер (в те времена существовало такое устройство мобильной связи) не могли поколебать его уверенность в своей неуверенности и непривлекательности.

Но влюбчивая натура Антона давала о себе знать даже с учётом того, что он уже успел поставить на себе крест, как на мужчине. У него почти всегда был в наличии предмет воздыхания — то соседка по общежитию, то одногруппница из университета. Иногда объект влюблённости повторялся: в одну и ту же девушку, соседку по общежитию, он был влюблён на первом-втором курсе, а потом после смены её одногруппницей на третьем курсе, обратно влюбился в соседку. И именно для неё он примерно год назад совершил свой самый романтичный поступок — в День Её Рождения он оставил перед дверью её комнаты в общежитии розовую розу. Чтобы провернуть такую операцию, он заранее купил этот цветок, прятал в шкафу в стеклянной банке с водой, потому что в общежитии много свидетелей, а это должно было остаться в тайне. Если бы само наличие цветка, а тем более то, кому он был предназначен, каким-то образом раскрылось, то Антон, наверное, просто провалился бы на месте, сгорев перед этим дотла от стыда. И вот в четыре или пять часов утра он пошёл на дело, поднялся на несколько этажей, прошёл по длинному общаговскому коридору с розой, прикрытой листом бумаги, быстро наклонился перед заветной дверью и возложил розу на этом же листе бумаги, и не оглядываясь, скрылся на лестнице. С тех пор даже через двадцать лет Антон так и не узнал, какая судьба постигла его розу.

Между этими влюбленностями и параллельно им у него были какие-то знакомые женского пола, которые выражали свой недвусмысленный, если не быть слепым, интерес. Одна из таких знакомых почти каждый вечер заходила к Антону в комнату просто поболтать в течении всего четвёртого курса. Но он был стена. Кульминацией этого общения была почти целая ночь, проведенная ею в его комнате перед отъездом на летние каникулы: она исписала его руки

и ноги шариковой ручкой в попытках как-то расшевелить, но так и ушла почти на рассвете нетронутая его вниманием. Антон был ответственный мальчик, и как и обещал, зашёл утром к ней в комнату попрощаться перед отъездом, о чём она почти отчаянно просила его накануне, и даже её вид завернутой со сна в простыню, не смог шевельнуть в нём ни один мускул, хотя можно было только протянуть руку.

К пятому курсу отношения между полами становились всё серьезнее, уже появлялись и семейные пары. И Антон тоже решился на серьёзный поступок — написал электронное письмо Соседке (той самой, в которую был влюблён сначала на первом курсе, а теперь и на пятом). Письмо было огромное, в нём он выплеснул всю накопившуюся за годы знакомства страсть:

"Привет, Оля!

Я решил написать тебе письмо, потому что никогда не решусь сказать тебе этого лично. Я давно влюблён в тебя. Даже дольше, чем ты можешь представить. Ты этого конечно не помнишь, но я тебя впервые увидел еще до того, как мы оба поступили в наш столичный Университет. Ты ездила на курсы подготовки к поступлению в областной университет. Когда я тебя впервые увидел, то ... очень сильно пожалел. Очень сильно пожалел, что ты поступаешь сюда! Ведь я здесь был просто для тренировки, а планировал поступать в столицу в Главный Университет. И я не надеялся тебя больше увидеть, хотя ещё долго вспоминал о тебе.

И поэтому, когда я увидел тебя в конце августа в нашем общежитии, то просто мысленно прыгал до потолка от того, что ты всё-таки здесь. Это казалось каким-то волшебством. Увидев тебя снова, всё так же, как в первый раз, я был просто поражён твоей неземной красотой. Блин, это звучит так пошло, но никак не могу это передать другими словами. Вдобавок к тому, что ты магическим образом оказалась в моём ВУЗе, на моём факультете, курсе, оказалось заодно, что ты будешь жить на моём этаже буквально через пару комнат. И родом мы из одного города. Но всё это волшебство, такое невероятнейшее совпадение, сведение нас с тобой судьбой так близко в пространстве не помогло сблизиться как-то ещё.

Все эти годы мы с тобой дружески общались, и ты вряд ли догадывалась о не только дружеских моих чувствах к тебе. Да, я не из тех, кому легко открыто признаться в любви или хотя бы начать какие-то ухаживания. Но всё же, если быть честным, я сделал всё, что смог в том, чтобы как минимум намекнуть тебе о том, что я к тебе неравнодушен.

Надеюсь ты помнишь, что еще на первом курсе я предложил тебе вместе съездить домой, в наш родной город, купил нам билеты на автобус. В этом конечно не было ничего особенного, на первом курсе все мы часто ездили к родителям и для поездки искали компанию. Но ведь ты не могла не заметить, что когда мы встретились на вокзале перед автобусом, я подарил тебе розу.

Это была первая роза и вообще первые цветы в моей жизни, которые я купил для девушки. Может быть я и покупал в школе гвоздики для одноклассниц на 8-е Марта, но для девушки, в которую влюблён, я впервые купил цветок именно в этот раз. Если бы ты знала, как трудно для парня покупать цветы, когда тебе восемнадцать лет. Ты стыдишься подойти к тётеньке, продающей цветы, тебе кажется, что она сейчас громко засмеётся и закричит на весь вокзал: "Что тебе, мальчик, цветы? Розу? А сколько тебе лет? И ты себя вообще в зеркале видел? Зачем тебе цветы покупать?". Но я решился и купил эту розу, нёс её завернутую в бумагу и очень надеялся, что этот сверток похож на что-нибудь другое и никто не заподозрит, что у меня в руках именно цветы, а не какой-нибудь чертёж, например. И мне казалось, что каждый мимо проходящий человек подозрительно на меня и мою ношу поглядывает.

Я не помню, как именно я подарил тебе эту розу. Помню, что ты невинно улыбнулась, сказала что-то вроде "ну, ты придумал, ха-ха", засунула розу на верхнюю полку и дальше мы ехали, как ни в чём не бывало. Я был этому рад, секундное смущение прошло и можно было просто ехать с тобой рядом и наслаждаться этим. В тот момент я хотел, чтобы эта поездка никогда не заканчивалась, чтобы ты всегда была рядом, чтобы я в любой момент мог украдкой

на тебя посмотреть. Просто сидеть с тобой рядом было большим блаженством для меня. Если бы я тогда мог взять тебя за руку, то это было бы верхом блаженства, которое я мог вообще испытать. Это значит, что если бы ты меня тогда, например, поцеловала, то я бы просто умер от счастья.

Но с того времени я немного повзрослел, и даже успел за это время влюбиться в другую. Не уверен, что об этом надо рассказывать в таком письме, но может быть это докажет тебе, что я не окончательно на тебе помешан.

Моя влюбленность в другую была уже давно, в прошлом году и давно в прошлом. В этом году, когда мы учимся уже на пятом последнем курсе, я снова понял, что постоянно думаю о тебе, и моё сердце замирает, когда я тебя вижу. Осознание того, что скоро мы перестанем видеться в универе и общежитии заливает меня горечью от того, что я за все эти годы не смог сблизиться с тобой. Но вот как раз сейчас в последнее время мне начало казаться, что и ты стала проявлять ко мне больше внимания.

Это письмо я решил тебе написать после того, как мы недавно сходили с тобой в кино. Снова была роза, и снова я не смог никак дать тебе понять, что я хочу, чтобы это не был просто дружеский поход в кино. Неужели ты до сих пор не поняла, как я к тебе отношусь?

Раз уж я так и не смог напрямую сказать и показать это тебе, то хотя бы в письме хочу признаться, что я тебя люблю. Скорей всего мне не на что рассчитывать, но я не могу больше выносить этой неопределенности, пойми, пожалуйста. Но если я тебе не совсем безразличен, и может это я из-за своей нерешительности делаю что-то неправильно или чего-то не делаю, давай встретимся ещё раз и попробуем поговорить более откровенно.

Буду с нетерпением ждать твоего ответа!"

Антон каждый вечер видел Олю на лекциях в универе. Она делала вид, что ничего не происходит, как ни в чём не бывало спокойно садилась рядом с ним, если было свободное место. И при этом не сказала ни слова по поводу письма. Антон был в жутком недоумении. Как это вообще возможно? На одной из лекций они сидели настолько рядом, что Антон смог написать у Оли в конспекте: "Погуляем после занятий?" Она спокойно с улыбкой согласилась. У Антона всё пело в душе, неужели счастье так близко?

Когда наконец-то они вышли из здания, он с дрожью в голосе спросил:

- Ты прочитала моё письмо?

Она удивилась и явно не понимала, о чем идёт речь, какое письмо? Антон с досадой осознал, что зря понадеялся на электронную почту - не все тогда регулярно ей пользовались, и его привычка несколько раз в день проверять свой электронный почтовый ящик не была обязательной для всех.

- Я написал тебе письмо на твой электронный адрес. Прочти его, пожалуйста, - сказал Антон и мысленно выдохнул. Он думал, что на этом закончились его мучения неопределённости.

А что началось, сейчас узнаете. На следующий день Оля каким-то образом назначила Антону встречу в центре города. Он пришёл на место встречи и ждал. Ага, мучения неопределённости продолжались, но до их окончания оставалось пятнадцать-десять-пять минут. Вот уже и назначенное время, она немного опаздывала. Здесь надо отметить, что Антон до этого всегда видел Олю с улыбкой на лице, может быть иногда она могла быть слегка задумчиво-рассеянной. Несмотря на свою действительно какую-то ангельскую красоту, неземную - в смысле не инопланетную, а не приземлённую, её сложно было себе представить в быту, - и не смотря на то, что к ней подкатывали почти все способные на активное проявление интереса парни в общежитии, о чём они за пивом между собой и обсуждали, (несмотря на такую женскую привлекательность, она кстати ни на одно ухаживание так и не ответила взаимностью) Оля внешне и в поведении оставалась каким-то почти ребёнком . Всё это Антон успел обдумать, пока её ждал, - она немного опаздывала. Его сердце было полно надежды, но ум твердил, что

ничего хорошего ждать не надо. После такого кричащего письма просто продолжить дружбу не получится, это был Рубикон. Но зачем же она всё-таки назначила встречу? Ведь могла сразу ответить, что ничего не будет.

Он увидел её издали. Она подходила с каким-то абсолютно незнакомым ему выражением лица. Оно было величественно и оно было адски холодно. Он даже представить себе не мог, что она может так выглядеть. У него внутри всё сжалось, окаменело. Она подошла и без тени улыбки, просто как Снежная Королева, сказала ему что-то. Отдельных слов он даже не запомнил, запомнил только смысл: она и не догадывалась, что нравится ему. Просит больше ей не писать ничего подобного. И развернувшись ушла.

Еще увидев Олю издали, Антон заметил, что всё вокруг становится серым, краски бледнеют, а серый цвет вокруг наоборот становится более ярким. После её слов всё вокруг громыхнуло резким чёрно-белым. Не глядя он куда-то пошёл, пока надо было просто идти. В середине груди сквозила дыра, всё вокруг из до мелочей знакомого, он бывал здесь десятки раз раньше, обратилось в череду отдельных картинок, каждую из которых он с удивлением отмечал где-то в глубине сознания, но в середине поражённого сознания сидел холодный нож. Или сосулька. А вечером надо было идти на занятия, где он будет иметь радость снова Её увидеть.

Глава 3

Сюр был в восторге: да, это была его любимая жизнь на Земле. В настройках земного тела на этот урок явно переборщили с чувствительностью, но получилось неожиданно захватывающе. Иногда он мог возвращаться частью сознания обратно в свои космические чертоги, чтобы не пропустить какую-нибудь пакость от ретора и окружающей его банды.

Так-с поначалу был в тихом бешенстве. Мало того, что этот негодный Сюр выбил себе хитрым образом целую планету для своих извращённых опытов, так он еще взял в замзавы "ту самую" Эву. Ретор уже присмотрел для своей наследницы, простите, для нашей довольно перспективной сотрудницы, хлебное место в Галактическом Вече, а тут какая-то задрипанная планетка с антисанитарными условиями. Понять бы только, чем именно Сюр заманил туда такую яркую представительницу золотой молодёжи... Утешало только то, что этот сюрский эксперимент с обитателями Земли может скоро закончиться.

По этому поводу беспокоился и сам Сюр. Надо отдать должное скорости, с которой ретор создал лабораторию для испытаний на Земле - это произошло в мгновение ока. Но не стоило терять бдительности. За стремительным созданием новой административной единицы в составе Универсиадуса потянулась привычная бюрократическая канитель с согласованиями, резолюциями, внесением правок и подшиванием допсоглашений. Было понятно, что это Так-с втихомолку ставил палки в колёса машине прогресса. Но зачем? Элементарно - он просто надеялся, что за эти тысячи лет задержки случится еще какой-нибудь счастливый случай - метеорит снова проредит земную флору иль чёрная дыра засосёт всю планету. К исходу волокиты властитель ретората был вне себя от злобы на своих приспешников. Надо же, не догадались сделать ему приятное, такую мелочь - уничтожить жизнь на далёкой-далёкой планете. Я вам, блин, устрою сокращение штатов...

Но всё-таки ещё более высшие силы, казалось, услышали мольбы Так-са и наслали злую напасть на людей земных. Правда, оказалось, что это Федот, да не тот. Когда все ресурсы волокиты иссякли и можно было запускать души первых скаутов в тела земляных первобытных людей, оказалось, что там к этому времени уже существовали первые развитые (до рабовладельческого строя, но тем не менее) цивилизации. Как, откуда? Какие такие прогрессоры не в тот рукав Галактики залетели? Оказалось, что такой перспективный кусок материи заинтересовал и заклятых коллег из Трёхгалактической Мысленной Фабрики. Земные обезьяны уже оказывается во всю дурь плавают по морям на кораблях, летают по воздуху на самолетах (и те и те естественно могут стрелять и уничтожать себе подобных) и того и гляди скоро в космос выйдут. И коню понятно, что хотят из этого сгустка биомассы сделать Чисто Военную Планету. Вот проклятые милитаристы!

И теперь Так-с не знал, что и делать. У него уже были заготовлены опытные деволюторы с ящиками огненной воды, ружья, порох, заражённые болезнями одеяла. В общем весь джентльменский набор для создания ада для аборигенов на отдельно взятой Земле. Спустя пару скоротечных веков Сюр сам бы жалобно просил стереть такую неудачную жизнь с лица этой мерзкой планеты. А теперь придётся с улыбкой на лице и кастетом в кармане вести тёрки с этими "коллегами", доказывать, что Земля - это наша поляна, мы её первые застолбили для научных опытов.

Сюр тоже был удивлён, когда обнаружил на Земле уже довольно развитую цивилизацию. Его милые еще недавно обезьянки уже убивали во всю друг друга не палками, а луками-стрелами, а кое-где уже и примитивным огнестрелом. Сначала он грешным делом подумал, что это ему просто подфартило: такие склонные к прогрессу приматы случайно попались. Но когда узнал, что это Трёхгалактические на матушке куролесят, то сначала даже обрадовался, что у него появились соратники по построению рая на отдельно взятой планете начального уровня

развития. Его только как-то смущал тот факт, что развитие в разных уголках шарика пока получалось какое-то однобокое, неправильное с его точки зрения. Как только гуманоиды изобретут какой-нибудь рычаг, так сразу его для создания катапульты используют, колесо сюда же, передвигать эту катапульту, чтобы побольше окрестных городов стереть в пыль. И если даже их озарило ненароком золотым сечением для строительства прекрасного собора, так зашедшие по оказии в гости душевные соседи это памятник архитектуры той самой катапультой и аннигилируют.

Простая мысль про то, что воинственность землян является прямым следствием воздействия Мысленной Фабрики, и они именно за этим сюда и явились, никак не могла возникнуть в голове у Сюра. И не потому, что никакой головы у него сроду не было и быть не могло, ибо являлся он энергетической субстанцией, гелиоидом, геликом. А потому, что с детства слышал из каждого утюга, что Трёхгалактическая Мысленная Фабрика - это орган для нанесения прогресса отсталым планетам и примкнувшим к ним сателлитам. А то нелепое совпадение, что все облагороженные мягкой силой фабрикантов планеты становились просто разбойниками с большой дороги, было принято относить к невероятным случайностям, вероятность появления которых на практике достигала почему-то ста процентов однако. Подозревать в чём-то Трёхгалактических считалось дурным тоном, джентельменам верили на слово.

Но Сюру не хотелось сейчас думать об этом. Он переваривал впечатления от пребывания в теле Антона. Он собственно и был Антоном, но вязкие ограничения человеческого тела, в котором было так много эмоций, гормонов, генетической памяти, из бессмертной безрассудной энергетической единицы (а.к.а. души) делали настоящего человека. Не в том смысле, что его Антон так много сделал в жизни, подвиг какой-то совершил, что заслужил право называться Настоящим человеком, с большой буквы Н. Нет, даже вроде как наоборот, от совершения подвигов его оберегала запредельная застенчивость. Но опыт проживания человеческой жизни с отключённой памятью о своих бессмертных внепространственных свойствах помогал увидеть глазами обычного человека такое, о чём внеземным сотоварищам и не снилось.

Обычно земные вместилища для душ были более простого устройства, чем тот страдалец Антон, который достался ему в этот раз. С самого начала эксперимента Сюр постоянно отправлялся вместе со своими студентами туда же на Земле и уже накопил большой опыт проживания человеческих жизней. Спустя десяток-другой подобных командировок это начинало превращаться в рутину. И хоть Сюр пытался побывать в разных местах глобуса, всё равно почти в каждой жизни ему приходилось воевать. Он склонялся к мысли о том, что это было у землян в крови - проливать чужую и свою кровь. Такое направление процесса обучения мало способствовало развитию геликов - очень уж однообразным получался опыт: родился, подрос, погиб восемнадцати лет отроду от размозжения головы булавой.

И Сюра осенило гениальной идеей - надо извне, насильно изменить хотя бы некоторых людей. Не зря же он был представителем высшей цивилизации, которая владела секретными знаниями о генной инженерии любых организмов и рулила галактическими потоками нейтрино. И вот начался эксперимент внутри эксперимента - на Земле стали появляться люди с неестественно высоким для этого рода уровнем эмпатии и чувствительности. По замыслу Сюра такие люди должны были стать Учителями для остальных людей, вести их в светлое будущее, где наконец-то все начнут петь и танцевать, а не протыкать друг друга разнообразными железными предметами, и где вся творческая прыть человечества посвящена придумыванию способов всё более быстрого, далёкого и точного перемещения таких смертоносных железяк в тела собратьев. Опыт подобного "улучшения" людей дал много материала для антропологов и историков. Еще больше материала он мог внести в науку криминалистику, если бы солнечным ветеркам понадобилась бы, не дай бог, таковая. Благодарные ученички как только не лишали жизни этих бедолаг, наставляющих их на пусть истинный: и в кострах сжигали, и дикими зверями травили, и просто без затей рубили головы.

Но всё же многие из этих экспериментальных посланцев смогли оставить не только кровавый след в истории человеков - появились книги, картины, музыка и другие виды искусств (кино под вопросом), которые хоть на грамульку, а всё же смягчали человеческие души. "Души же и так выше всего это кровопролития! Не виноватые они!" - скажете вы. В этом вопросе до сих пор не поставлена точка, и лучшие умы Универсиадуса сталкиваются грудью в спорах, кто виноват, что лаборатория Земля превратилась в нескончаемое ристалище - человеческое грешное тело или солнечная душа? Сюр сам для себя еще так и не ответил на этот вопрос. Ему не хотелось голословно обвинять землян в изначальном и похоже встроенном в первоосновы грехе, причём настолько тяжёлом, что даже сильнейшие генетики Галактики были бессильны его исправить.

А ларчик просто открывался! Вернёмся же к нашим Трёхгалактическим баранам. Так-с, в поисках союзников для изгнания залётных фраеров за пределы Плутона, решил сделать ход конём и приоткрыть и так полупрозрачную занавеску тайны перед Сюром. Как бы невзначай встретив его на улице, он завёл непринуждённый разговор:

- А, любезный Сюрчик, как я рад вас видеть в добром здравии! Какие мощные у вас магнитные бури! - лил маслом на душу ретор, хотя в душе он терпеть не мог этой новой моды среди молодых и молодящихся геликов выставлять наружу свои магнитные бури и другие энергетические прелести, - я слышал вы только что из командировки на Землю на выходные вернулись? Как там наша матушка живёт-поживает?

- "На пыльных тропинках далеких планет останутся наши следы-ы-ы" - с придурковатой улыбкой фальшиво пропел он.

- Одобряю, одобряю... Передавайте привет трёшкам (*так называли представителей Трёхгалактической Фабрики Мысли в простонародье*). Слыхал, слыхал про их прогресс, пусть меня, старика, приглашают на испытание, а лучше на выход в промышленную эксплуатацию первой ядерной бомбы, ностальгия по детству знаете ли...

Сюр на некоторое время потерял дар речи. Телепатической конечно же. Какая такая ядерная бомба? Что это на моей Земле за моей спиной творят?

- Ой, ну, не делайте тут нам такой скромный вид, - засюсюкал ретор, исподволь подначивая своего собеседника, - и нечего скромничать, гордиться над! Вместе полетим в штаб-квартиру Фабрики Напалмовую Ветвь получать за содействие делу войны. Как? Неужели? Вы и вправду не знали, чем на самом деле занимаются наши уважаемые партнёры на Земле у вас под боком? Ай-ай-ай, как нехорошо получилось. Так вы против? Да-да, конечно понимаю и поддерживаю всеми флюидами. Будем бороться вместе за дело мира.

Теперь Так-с мог быть стопроцентно уверен, что Сюр костьми ляжет, но не устанет добиваться не только изгнания подлых рейдеров за пределы Солнечной Системы, но и, чего доброго, запрета на их деятельность до наступления Большого Сжатия. Надо же его бесконечную упёртость как-то и в благих целях использовать.

А Сюр с горя отправился на Землю заниматься своими прямыми обязанностями в этом отрезке времени - жить жизнь Антона. Который как-никак был парень на выданье, пора ему было невесту подыскать да хмельным пирком да за свадебку.

Глава 4

К пятому курсу Антон уже работал по крутой специальности - программист. Очень скучно, но зарплата приличная. Достаточная, чтобы снимать квартиру, съехать из казавшейся в тот момент ненавистной общаги. Хотя с обретением отдельного жилья он потерял остатки социальной жизни. Так совпало, что самые близкие друзья по общежитию в этот период активно устраивали личную жизнь и проводили всё время со своими девушками. А так как у Антона девушки не было, то его неловко было приглашать на тусовки, где все были по парам. Оставался один выход - срочно найти себе девушку. На его счастье к этому времени уже придумали сайты знакомств в Интернете (тогда слово Интернет ещё писали с большой буквы). К этому времени у Антона вспыхнула целеустремленность в этом направлении: ему было уже 22 года, а опыта близкого общения с девушками еще не было. И банальное одиночество начинало надоедать после пары-тройки месяцев эйфории от проживания в отдельном помещении в одиночку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.